МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: О ВОСПИТАНІИ,

въ Морскомъ Сборникѣ, 1856 г. Январь.

(Статья В. И. Даля.)

Статья о воспитаніи, въ Январской книгѣ Морскаго Сборника, пробудила во мнѣ нѣсколько завѣтныхъ думъ, которыя мнѣ давно хотѣлось высказать. Новаго въ нихъ нѣтъ ничего — мужикъ говоритъ: лапти бываютъ новые, а прочее все старо — не менѣе того хорошо иногда и зад[а] пройти, и это не безполезно, особенно если всякому дозволено дѣлать это по своему, для обмѣна понятій, мыслей и убѣжденій.

Не столько въ сочиненіяхъ о воспитаніи, сколько на дѣлѣ, весьма не рѣдко упускается изъ виду бездѣлица, которая однакоже непримѣръ важнѣе и полновѣснѣе всего остальнаго: Воспитатель самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ

сдѣлать воспитанника, или по крайней мѣрѣ долженъ искренне и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

Послѣдите же нѣсколько за нравственною жизнію воспитателей, познайте съ какою искренностію и съ какимъ убѣжденіемъ они слѣдуютъ не на словахъ, а на дѣлѣ — своему ученію, и у васъ будетъ мѣрило для надеждъ вашихъ на всѣ ихъ успѣхи.

Если бы, на примѣръ, воспитанники, по общей молвѣ, расказывали другъ другу, что–де такой то воспитатель нашъ безпутно промоталъ все, и свое и чужое, и спасся отъ окончательнаго крушенія въ мирной пристани, въ заведеніи при которомъ состоитъ, не отказываясь впрочемъ и нынѣ кутнуть на чужой счетъ, гдѣ случай представится — но дѣлаетъ это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другомъ, что онъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ въ свое время всегда избираемъ товарищами для завѣдыванія общимъ столомъ, и также счелъ за лучшее

удалиться подъ конецъ съ этого поприща и отъ довѣрчивыхъ товарищей и вступить въ новый и болѣе чужой кругъ; если бы расказывали о третьемъ, что онъ ставитъ въ поведеніи полные балы всѣмъ воспитанникамъ, которые не берутъ казенныхъ сапоговъ, а ходятъ въ своихъ; о четвертомъ, что бесѣдуя въ классахъ о разныхъ пустякахъ, при внезапномъ входѣ начальника, съ удивительнымъ спокойствіемъ и находчивостію продолжаетъ бесѣду, тѣмъ же голсомъ, тѣмъ же выраженіемъ — но отрывая прежнее пустословіе свое на половинѣ слова, и переходя къ продолженію преподаванія, котораго прежде того и не начиналъ; словомъ, если бы воспитанники были такого или подобнаго мнѣнія о воспитателяхъ своихъ — какихъ вы бы ожидали отъ этого послѣдствій? — Повѣрите ли вы что изъ рукъ такихъ воспитателей выйдутъ молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

Кто полагаетъ, что можно воспитывать ребенка обманомъ, что достаточно, поучая его словами, остерегаться при немъ неосторожныхъ выраженіи и поступковъ, словомъ, кто дѣло воспитанія считаетъ задачею ловкаго надувательства, тотъ жестоко ошибается и беретъ на себя страшный отвѣтъ.

Не спорю, что даже и при такомъ воспитаніи часть воспитанниковъ выйдутъ современемъ порядочными людьми; но это будетъ уже не вслѣдствіе воспитанія, а вопреки ему.

Такъ больной не рѣдко выздоравливаетъ, не вслѣдствіе дурнаго и превратнаго леченія, а вопреки ему; мало того, такъ иногда гнусность воспитателя до того поражаетъ воспитанника омерзеніемъ, что онъ прійдя въ свою память и разумъ, дѣлается ревностнымъ поборникомъ добра и истины. Но такія послѣдствія конечно ничего не доказываютъ на пользу дурныхъ воспитателей; развѣ кто нибудь рѣшится установить воспитаніе на такихъ началахъ?

Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго, честнаго, дѣльнаго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствѣ и выгодахъ личности своей, сколько о пользѣ общей, не такъ ли? — Будьте же сами такими; другаго наставленія вамъ не нужно. Незримое, но и неотразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонитъ ихъ. Если же вы должны сознаться, въ самомъ завѣтномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки не одинаковы, приноравливаясь къ обстоятельствамъ; что облыжность свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, что безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя; словомъ, если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что вышло изъ васъ, тогда, добрый человѣкъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы наставленій вы ни придерживались, чего бы

ни начитались. Не берите этого грѣха на душу; несите съ собой, что запасли, и отвѣчайте за себя.

Есть вѣчныя, святыя истины, которыя опошлены грязными, неумытыми устами; боишься поруганія святыми и обходишь изъ; но онѣ остаются вѣчными и святыми.

Вѣрите ли вы, по убѣжденію, по совѣсти, а не по катихизису только, что жизнь во плоти есть временный искусъ, такая–жь школа воспитанія, какую долженъ пройти ребенокъ подъ вашимъ гнетомъ, и что за тѣмъ человѣкъ переходитъ въ жизнь невещественную, духовную, не отрѣшаясь отъ личности своей?

Вѣрите ли вы тому, что эта духовная жизнь уготовится жизнію во плоти, что сущность человѣка составляетъ не ученость и познанія его, не умственная, а нравственная половина его, воля, желанія, наклонности, а не память?

Вѣрите ли тому, что благо, то есть, истину и добро, должно любить ради блага, не изъ видовъ корысти, — а худо, то есть

ложь и зло, ненавидѣть ради худа, чтобы не усвоить его себѣ и не отправиться на тотъ свѣтъ съ такимъ неудобнымъ напутствіемъ и подорожникомъ?

Если въ васъ нѣтъ глубокаго и полнаго убѣждѣнія во всемъ этомъ, то не беритесь за воспитаніе дѣтей, а удаляйтесь отъ нихъ, на сколько можете. Никакой личины не станетъ долѣе, чѣмъ на одну скоморошью ночь, а вѣкъ неразгаданнымъ въ ней не проходишь. Безсознательное чутье ребенка тонко и остро; вы сами послѣднимъ, а потому и поздно узнаете, что ребенокъ васъ разгадалъ прежде, чѣмъ вы его разгадали. Посудите же, кому впрокъ пошло все ваше стараніе!

Если бы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на дѣлѣ, стоялъ на трехъ сваяхъ — авось, небось, да какъ нибудь — а на словахъ неумолчно проповѣдывалъ: добросовѣстность, порядокъ и основательность — то что бы изъ этого вышло? Вѣрьте мнѣ, и

воспитанники его станутъ въ свою очередь поучать хорошо, а дѣлать худо.

Еслибы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ причинъ, для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормишь и свою коровушку, то какія убѣжденія онъ въ этомъ отношеніи невольно и неминуемо передастъ воспитаннику?

Еслибы воспитатель свыкся и сжился, можетъ быть и безсознательно, съ правиломъ: не за то бьютъ, что укралъ, а за то, чтобъ не попадался, то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила, конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ могутъ совершить такое чудо, чтобы воспитанники современемъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если остричь шипы на дичк®, чтобы онъ съ виду походилъ на садовую яблоню, то отъ этого не дастъ онъ лучшаго плода; все тотъ же

горько сладъ, та же кислица. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями? — Внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность. Топоромъ можно оболванить какъ угодно полѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ — но древесина отъ этого не измѣнится; полѣно въ сущности осталось полѣномъ.

Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и со свободной волей. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы изнасиловать и пригнести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрытно мужать подъ обманчивою наружностью и вспыхнуть современемъ на просторѣ и свободѣ; нѣтъ, задача эта вотъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями текущими прямо изъ души, заставить

мальчика понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина; заставить страстно полюбить — какъ любитъ самъ воспитатель, не болѣе того — Бога и человѣка, а стало быть и жить въ любви этой, не столько для себя, сколько для другихъ.

Мальчикъ, съизмала охочій копаться надъ какою–нибудь ручною работой, слушая въ заведеніи гдѣ воспитывался физику, вздумалъ самъ построить электрическую машину. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ собиралъ онъ и копилъ гривенные доходы свои и отправившись на каникулы къ дядѣ, съ жаромъ принялся за это дѣло. И спитъ и видитъ свою машину. Накупивъ на толкучемъ нѣсколько стеклянныхъ стоекъ — остатки какой–то великолѣпной люстры или паникадила и разбитое зеркало толстаго стекла, — онъ около двухъ недѣль провозился за обдѣлкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами да зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить въ срединѣ дыру. Съ этимъ–то

запасомъ подъ мышкой, онъ, по окончанiи каникулъ, отправился обратно въ заведенiе, счастливый и довольный, и при томъ пѣшiй, потому что гривенникъ, отпускаемый ему на извощика, ушелъ на строительные припасы.

Ему надо было пройти Исакiевскую площадь; только что успѣлъ онъ поровняться съ домомъ, стоявшимъ тогда рядомъ съ домомъ графини Лаваль, какъ надъ нимъ раздался громкiй голосъ: «мальчикъ, эй, мальчикъ, поди сюда!» Взглянувъ на помянутый домъ, мальчикъ нашъ встрѣтилъ въ растворенной форточкѣ знакомое и страшное лицо воспитателя, которому однакоже онъ лично знакомъ не былъ и прозванiя его онъ не зналъ, потому что былъ изъ другаго класса. — «Поди сюда, мерзавецъ, что ты это несешь?» Робкiй дѣтскiй голосъ пробормоталъ что-то, неслышное при стукѣ каретъ по мостовой; тотъ, перекрикивая и сткуъ каретъ этихъ, повторилъ вопросъ свой до нѣсколькихъ разъ, и наконецъ, разсыпавшись бранью, приказывалъ самымъ настоятельнымъ образомъ бросить

стекло и свертокъ на мостовую. «Брось, брось сей часъ, мерзавецъ», кричалъ онъ выходя изъ себя, а пойманный съ поличнымъ стоялъ на вытяжку недвижно подъ окномъ, хлопалъ глазами, молчалъ, но стекло свое крѣпко прижималъ подъ мышку. Растаться съ этимъ стекломъ, бросить его на мостовую — это вовсе не вмѣщалось въ головѣ мальчика, онъ словъ этихъ не понималъ. «Такъ я жь тебя» — закричалъ тотъ въ отчаянномъ негодованіи своемъ и, захлопнувъ форточку, вѣроятно поспѣшилъ распорядиться на счетъ поимки и представленія подъ карауломъ ослушника. Но этотъ бѣднякъ, съ электрическою машиной подъ мышкой, самъ не зная что дѣлаетъ, бросился безъ памяти бѣжать въ галерную улицу, кинулся на перваго извощика, дрожа всѣмъ тѣломъ переправился на первозъ, запряталъ стекло съ принадлежностями въ самое скрытное, никому недоступное мѣсто и только черезъ мѣсяцъ, когда всякая молва и розыски по этому страшному дѣлу миновали, снова

принялся за работу и благополучно окончилъ свое произведеніе.

Помяну еще и о другомъ случаѣ.

Въ то время въ заведеніи, гдѣ мы воспитывались, въ новый годъ всегда давался маскерадъ, на который мы являлись — готовясь къ тому задолго — въ шпалерныхъ кафтанахъ, пеньковыхъ парикахъ и бумажныхъ латахъ, со львиными головами на оплечьяхъ, изъ хлѣбнаго мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайкомъ и приносила въ маскерадную залу свою пирамиду, великолѣпное бумажное зданіе, расписанное и раскрашенное, пропитанное масломъ и освѣщенное изнутри, гдѣ бѣдный фонарщикъ сидѣлъ какъ въ банѣ, задыхаясь отъ жару и чаду. Я сказалъ не безъ умысла: «изготовляла тайкомъ»; пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, какъ ради того, что подобное занятіе — какъ вообще всякая забава или занятіе, подающее поводъ къ отвлеченію отъ ученія и къ неопрятности и сору въ спальняхъ —

строго запрещалось. Между тѣмъ, когда, съ крайнимъ страхомъ и опасеніемъ, удавалось скрытно окончить такое бумажное египетское произведеніе къ сроку, принести и поставить его на мѣсто и освѣтить, то всѣ воспитатели, низшихъ, среднихъ и высшихъ разрядовъ, не безъ удовольствія ходили вокругъ бреннаго памятника, отыскивали и свои вензеля, съ иносказательными вѣниками и украшеніями, любовались этимъ и громко хвалили художниковъ, отдавая преимущество той либо другой ротѣ.

Вы спросите, можетъ быть, какой же смыслъ и толкъ въ поступкахъ этихъ? — а вотъ послушаемъ дальше.

Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностію и изяществомъ своей пирамиды; въ первой ротѣ составленъ былъ заговоръ, перещеголять на сей разъ вторую. Сдѣлали общій сборъ: гроши и гривны посыпались отовсюду; помню что одинъ мальчикъ, вовсе безденежный, не захотѣлъ однакоже отстать отъ тоарищей и продавъ богачамъ утреннюю булку свою за три дня,

по грошу каждую, внесъ три гроша въ общественное казначейство. Опытные художники взялись за дѣло; изготовленная лучина отнесена была на чердакъ, картузная бумага склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнѣе было ее спрятать; вырѣзки разныхъ видовъ, для картинъ, вензелей и украшенiй, розданы для работы по рукамъ, и каждый пряталъ свою у себя, какъ и гдѣ могъ, чтобы не возбудить подозрѣнiя. Всѣ принялись за работу такъ дружно, такъ усердно, что недѣли за двѣ или за три до срока знаменитая пирамида поспѣла; надо было собрать лучинковые лѣса, пригнать чехолъ и — наконецъ оставалось только смазать масломъ просвѣты.

Но въ Декабрѣ на чердакѣ холодно, особенно въ одной курткѣ. Рѣшено было собрать пирамиду наскоро въ умывальнѣ, въ такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и при томъ разставивъ изъ предосторожности часовыхъ, какъ дѣлают журавли, воруя хлѣбъ, да обезьяны, опустошая сады и

огороды. Бѣготня, суматоха, крикъ, радость — у главныхъ зодчихъ болѣе десяти помощниковъ, у каждаго помощника по десяти подносчиковъ — дѣло кипитъ.... но внезапно входитъ дежурный воспитатель, котораго называли внукомъ тогдашняго директора и очень боялись... Не берусь описывать подробностей происшедшаго побоища; негодованіе, неистовство этого человѣка превзошло всякое понятіе. Много розогъ было охлестано тутъ же, на мѣстѣ — это бы еще ничего — да безпримѣрное въ лѣтописяхъ маскерадныхъ зданіе, пирамида въ семь аршинъ вышины, была изломана, истоптана ногами, и созжена тутъ же въ печи.

Однако, почесавъ затылки, погоревавъ и опомнившись, предпріимчивые и рѣшительные строители не упали духомъ: давай собирать что осталось; иное было тутъ и тамъ, въ рукахъ, иное успѣли во-время выхватить и спасти отъ конечнаго истребленія и — черезъ недѣлю поспѣла новая пирамида, ни въ чемъ не уступавшая первой. Она красовалась на маскерадѣ

31 Декабря 1817 года; первенство осталось на сей разъ за нею, за первой ротой; это подтвердили всѣ, обхаживая вокругъ и любуясь необыкновенно пестрыми и кудрявыми вензелями; подтвердилъ даже и самъ внкуъ директора, который былъ такъ незлопамятенъ, что, во уваженіе общей радости и удовольствія на маскерадѣ, и не поминалъ о томъ участіи, какое принималъ онъ въ сооруженіи этого знаменитаго зданія.

Теперь, кончивъ расказъ, я васъ спрошу: что это такое? Чего вы ожидате отъ такого воспитателя? — Но вы опять отвѣчаете мнѣ, что это, либо выдумка злословія, либо примѣръ, который въ примѣры не годится, потому что представляетъ неслыханное исключеніе. И такъ, возьмемъ что нибудь обиходное.

Начальникъ, при воспитанникѣ, спрашиваетъ въ сомнѣніи: исполняется ли такое–то правило или приказаніе? И воспитатель удостовѣряетъ его въ этомъ, самымъ положительнымъ образомъ, не смигивая глазомъ, хотя и лжетъ наголо.

Воспитанникъ зналъ дома два чужихъ языка и позабылъ ихъ въ заведеніи на половину, а воспитатель увѣряетъ радушнаго посѣтителя на испытаніи, что мальчикъ выучился этимъ языкамъ здѣсь.

Воспитатель ходитъ въ церковь; илди водитъ туда мальчиковъ по положенію; при начальникѣ даже много и часто крестится, но понятія и убѣжденія его о вѣрѣ и вѣчности не могутъ укрыться отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ проводитъ по нѣскольку часовъ въ день, еслибы это и были малолѣтки. — Облыжность, ханженство, безчестность, самотничество, въ какихъ бы мелкихъ и скрытныхъ видахъ и размѣрахъ оно ни проявлялось, прилипчивѣе чумы и поражаетъ вокругъ себя все, что не бѣжитъ безъ оглядки. Но можетъ быть всего этого нѣтъ и не бывало и быть не можетъ, все это выдумка и клевета? Вотъ такое–то отрицательное направленіе насъ и губитъ; донесенія о благополучіи ослѣпительны, какъ вешній снѣгъ.

Не будемъ спорить, я ищу и желаю совсѣмъ иного. Выкиньте всѣ примѣры мои,

какъ непригодные къ дѣлу, и вставьте свои, то есть случаи вамъ самимъ извѣстные. Поройтесь въ памяти, вы ихъ найдете. Подведите къ нимъ мое, или пожалуй также свое, заключенiе и оно ничѣмъ не будетъ разниться отъ того, что сказано, по глубокому и полному убѣжденiю, въ этой статейкѣ:

Воспитатель, въ отношенiи нравственномъ, самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника; по крайней мѣрѣ долженъ искренно и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

Но вы скажете: ангеловъ совершенства нѣтъ на землѣ, мы всѣ люди; для того–то я, сказавъ: «воспитатель долженъ быть такимъ», прибавилъ: «или искренне хотѣтъ быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.» Будь же онъ прямъ и правдивъ, желай и ищи добра; этого довольно. Ищи онъ случая, въ присутствiи воспитанниковъ, но безъ похвальбы, безъ малѣйшаго тщеславiя, сознаваться въ ошибкахъ своихъ — и одинъ подобный

примѣръ направить на добрый пути десятки малолѣтковъ.

Вотъ въ чемъ заключается наука нравственнаго воспитанія.

В.ДАЛЬ